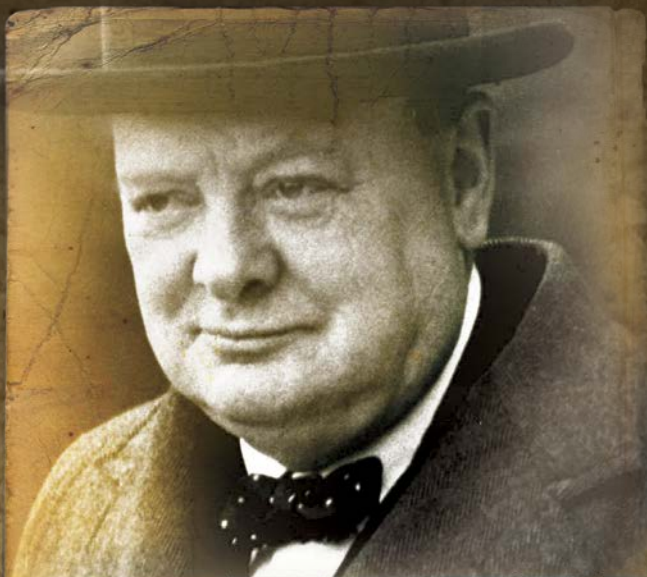

Борис Тененбаум

Касабланка

Борис Тененбаум

Касабланка

БОСТОН • 2009 • BOSTON

СЕРИЯ «ПОРТРЕТЫ НА ФОНЕ ЭПОХИ»

Борис Тененбаум

Касабланка

Boris Tenenbaum

Casablanca

Печатается по оригинальному авторскому тексту

Copyright © 2009 by Boris Tenenbaum

Copyright © 2009 by M·GRAPHICS PUBLISHING

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-934881-26-2

Library of Congress Control Number 2009930609

Published by M·GRAPHICS PUBLISHING

www.mgraphics-books.com

mgraphics.books@gmail.com

Подготовка к печати: Б. Тененбаум, А. Футер и М. Минаев

Дизайн обложки: П. Крайтман © 2009

Отпечатано в США

*Посвящается моему отцу
Марку Тененбауму*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Андрей Пионтковский: Предисловие</i>	9
<i>От Автора</i>	11
Сельский джентльмен на покое (1932–1940)	13
Черчилль, 1940–1941	59
КАСАБЛАНКА	131

ПРЕДИСЛОВИЕ

Количество книг об У. Черчилле в западном мире огромно, и последние годы обозначили новую волну интереса к этой выдающейся личности.

Это не случайно. Каникулы от истории, наступившие после падения берлинской стены, судя по всему, закончились. Запад вступает в эпоху очень серьезных испытаний, и авторы и их читатели в поисках исторических аналогий уже в который раз возвращаются к самой драматической истории XX века — Второй мировой войне.

Каждая её страница — трагическая эпопея со своими масштабными героями и злодеями. 1940–1941 гг. — это звёздный час Англии и его военного лидера. Он начинал его почти в безнадёжном положении, когда не мог обещать своему народу ничего, кроме «слез, крови и пота», и когда, по очень точной характеристике Дж. Кеннеди, он, «не имея других ресурсов, мобилизовал английский язык и поставил его на службу своей стране».

Больше года Англия Черчилля сражалась один на один с Германией Гитлера, за которой были ресурсы покоренной ею Европы. «*We shall defend our island whatever the cost may be. We shall fight on the beaches, we shall fight on the landing grounds, we shall fight in the fields and in the streets, we shall fight on the hills. We shall never surrender!*»

В конце 1941-го, несмотря на ещё предстоявший страшный 1942-й и долгий путь союзников к победе в 1943–1945, Черчилль был прав, сказав: «война выиграна, осталось правильное применение подавляющей силы».

Возросший интерес к личности Черчилля говорит об общественном запросе на политического лидера сопоставимого калибра. Найдётся ли в наше время фигура такого же масштаба, если для западной цивилизации снова наступят 40–41-е годы?

Очень тревожным и многозначительным звонком для меня стало одно из первых решений нового хозяина Белого Дома. Он распорядился убрать из овального кабинета бюст У. Черчилля, подаренный его предшественнику британским премьер-министром.

Любая хорошая книга о У. Черчилле (а Вам предстоит прочесть очень хорошую книгу) — это подарок для русского читателя.

У. Черчилль всегда сражался за Англию. Но мы помним, что в самой главной битве в истории России он был на нашей стороне, когда мы ещё были на стороне своего смертельного врага.

*Андрей Пионтковский
март 2009 г.*

ОТ АВТОРА

«Касабланка» — вторая книга из серии «Портреты на фоне эпохи». В данном случае это портрет одного человека — Уинстона Черчилля.

Книга покрывает период 10 лет его жизни — с 1932 до 1942. В нее входят три эссе:

«Сельский джентльмен на покое» — рассказывает о восхождении Черчилля к власти.

«Черчилль, 1940–1941» — описывает его деятельность в те месяцы, когда сама жизнь Англии висела на волоске — от проигранной битвы за Францию и до вступления в войну Соединенных Штатов.

«Касабланка» — повествует о военной кампании в Северной Африке и о Касабланкской Конференции 1943 года.

Для Черчилля Касабланка была пиком его могущества и влияния — Советский Союз сражался с немцами, находясь в отчаянном положении, Соединенные Штаты только еще разворачивали свой гигантский потенциал.

В дальнейшем влияние Англии по сравнению с ее могучими союзниками непрерывно уменьшалось, и «Большая Тройка» — Англия, Америка, СССР — к 1945 выглядела скорее «Большой Двойкой».

Исторически так сложилось, что некоторые эпизоды Второй Мировой войны практически никогда не освещались в русско-язычной литературе.

Один из таких эпизодов — кампанию англо-американских войск в Северной Африке и постарался описать автор.

**Сельский джентльмен
на покое
(1932 – 1940)**

Данное эссе описывает события накануне Второй мировой войны со стороны, которая мало известна русскоязычному читателю.

Последующие события освещены — в меру талантов автора — в других работах: «Черчилль, 1940–1941» и «Касабланка».

Каждое из этих эссе можно читать независимо друг от друга.

I

Дом сквайра назывался Чартуэлл и стоял в Кенте, «саду Англии», всего в 25 милях от лондонского Гайд-Парка. Это был именно деревенский дом — а вовсе не центр родового поместья, вроде особняка лорда и леди Астор. Дом не был «...бывшей резиденцией герцога Вестминстерского...», с садами, устроенными итальянскими художниками.

Но дом не был и коттеджем — «...последним прибежищем благородной бедности...» — куда, всего лишь с двумя служанками, временно удалялись разорившиеся было героини Джейн Остин.

Нет, это был вполне добротный дом — вовсе не роскошный, но достаточно просторный и для семьи сквайра, и для обслуживающего персонала: девяти слуг, двух бонн для детей, трех садовников, а также для секретарей и стенографисток, помогавших сквайру в его труде.

Ибо сквайр много работал — ему были нужны деньги. Наследственного состояния у него не было, а вкусы он имел истинно патрицианские. И он не любил экономить — как он сам говорил — «я легко довольствуюсь всем самым лучшим».

Деньги он добывал пером.

Он был, вероятно, наиболее высокооплачиваемым журналистом Великобритании. Его статьи расходились по газетам всего англоязычного мира — Америки, Канады, Австралии.

Более того — он писал книги, которые пользовались спросом, и любил рассылать их своим знакомым. Знакомые

не всегда разделяли страсть сквайра к истории и к высокой английской прозе.

Например, вот письмо, которое он получил — в конверте с королевским гербом — от герцога Глостерского:

*«Дорогой Уинстон,
Благодарю Вас за посылку мне Вашей новой книги.
Я поставил ее на полку вместе с другими книгами».*

Политическая карьера сквайра была окончена — его отставили с позиции министра финансов в теновом кабинете партии Тори, сменив на трезвого и рационального человека по имени Невилль Чемберлен.

В 57 лет сквайр оказался не у дел. Хотя он и сохранил свое место в Парламенте, но потерял всякое значение и всякое влияние, и для него, занимавшего в свое время чуть ли не все возможные посты в правительстве, сознание своего бессилия было тяжело.

Теперь он редко бывал в Лондоне на заседаниях Парламента. Проводил много времени в Чартуэлле, много писал. Ездил на лето в Европу, обычно на юг Франции. Его общества за границей все еще искали — в основном, по старой памяти.

В Германии в 1932 он чуть было не встретился с вождем национал-социалистического движения Германии — их общий знакомый, Эрнст Ханфштенгль, очень хлопотал о том, чтобы их познакомить. Но вождь уклонился от встречи — сквайр выразил герру Ханфштенглю свое искреннее недоумение: «...как можно обвинять человека в том, что он родился евреем?..», — и лидер национал-социалистов не захотел говорить с британским политическим деятелем, который настолько не разделял его заветные глубокие убеждения.

Сквайр не расстроился.

Вернувшись домой, он взялся за постройки. Умея класть кирпичи как заправский каменщик, он начал возводить стенку вокруг своего нового бассейна. На ней должен был быть изображен старинный девиз его рода, сформулированный на испанском: «Верен, но несчастлив».

Сквайр не был несчастлив. Он принимал гостей, угощал их портвейном и бренди — а после обильного обеда брал в руки кисти и начинал писать натюрморты — пустые бутылки давали ему достаточно вдохновения.

В совсем молодые годы он побывал на Кубе военным корреспондентом и вывез оттуда привычку к сиесте, горячим ваннам и страсть к хорошим сигарам.

За ужином он любил поговорить, особенно с виконтом Биркхедом, блестящим юристом — единственным человеком, который рисковал «...скрестить рапиры остроумия...» с хозяином дома. Им с восторгом внимал мистер Брэкен, сумевший в совсем молодые годы, начав без гроша, нажить миллионы. Теперь он был членом Парламента и учеником сквайра в политике. Его единственным недостатком было утверждение, что он — незаконный сын владельца дома, и он до того упорно держался этой линии, что сумел рассердить жену сквайра, которая однажды спросила мужа в упор:

«Уинстон, это правда?»

«Конечно, нет», — ответил ей супруг.

И, после паузы:

«Конечно, неправда. Я сверял все даты — этого просто не могло быть...»

Он любил поддразнить жену. Она, в свою очередь, не оставалась в долгу и объясняла привычку своего мужа появляться на вокзале в самую последнюю минуту тем, что «...Уинстон, как истинный спортсмен и охотник, всегда оставляет поезду шансы уйти...».

Жизнь в Чартуэлле шла своим чередом — до тех пор, пока хозяин дома не узнал из правительственных сообщений, что «...Правительство Его Величества отменило в этом, 1932 году, “Правило 10 лет”...» Правило это гласило, что военные ведомства должны составлять свои бюджетные заявки, исходя из принципа, что «...в следующие 10 лет большой войны не будет...»

Правило это было известно владельцу Чартуэлла, и известно очень хорошо — в 1919 он-то его и составил, будучи военным министром Великобритании.

Более того. Именно он, Уинстон Черчилль, предложил, чтобы «Правило 10 лет» автоматически возобновлялось каждый год, — если только оно не отменялось специальным распоряжением правительства.

23 марта 1932 года правительство правило НЕ возобновило.

II

Формально решение правительства об отмене «правила 10 лет» было вызвано «манчжурским инцидентом» — началом необъявленной войны между Японией и Китаем. Но зрело оно давно. Недостаток средств в казначействе — после Великой Войны 1914–1918 Англия сильно обеднела — вел к систематическому урезанию расходов на оборону. Военный бюджет за 12 лет сократился почти в семь с половиной раз — с 766 миллионов фунтов в 1920 до 102 миллионов в 1932.

В апреле 1931 года сэр Фредерик Филд, Начальник Главного морского штаба (First Sea Lord), утверждал в своем отчете Совету имперской Обороны, что «святая святых» — флот — настолько ослаб, что *«...в случае войны не сможет адекватно защищать торговлю Великобритании...»*.

То есть нужды оборонительных ведомств признавались — но денег в казне было мало. Военные получили инструкции не увлекаться и *«...держат расходы под строгим контролем...»*.

Новые ассигнования — не щедрые, на уровне 5% от ВВП (суммы всего, что страна производила) — были направлены в основном на подготовку флота. Армия после отмены призыва была резко сокращена и пополнялась наймом.

Смена правительства в Германии волнения в Англии не вызвала. Даже такой шаг, как выход Германии в 1933 году из Лиги Наций — и то встретил понимание.

Джеффри Доусон, главный редактор «The Times», наиболее уважаемой британской газеты, полагал, что Гитлер, хоть

и немного резок, но абсолютно нормален, или, вернее, станет таким, как только его страна *«...встретит со стороны Великобритании должное уважение...»*.

В Берлин и в резиденцию Гитлера, Берхтесгаден, в 1933–1936 годах шел непрерывный поток высокопоставленных английских паломников, восхищавшихся достижениями режима — автобанами, фольксвагенами, чистыми городами, порядком и ликвидированной безработицей.

Бывший премьер-министр Англии, Ллойд-Джордж, называл Гитлера *«...величайшим из ныне живущих немцев...»* и сообщал читателям газеты «Дейли Мэйл», что этот *«...прирожденный лидер только и мечтает о том, чтобы удалиться от мира для духовного возрождения...»* Ллойд-Джордж горько сожалел, что в Англии нет человека такого же калибра.

Арнольд Тойнби был уверен в глубоком сходстве между Махатмой Ганди и Адольфом Гитлером — они оба были отверженцами истинного мира.

Так что наскоки Черчилля в Парламенте на правительство Его Королевского Величества и лично на премьера, Стэнли Болдуина, *«...доброго старого викария...»* — как его звали его многочисленные поклонники — были встречены неодобрительно.

Когда Черчилль говорил, что *«...движение нацистов построено на философии насилия, которую вколачивают в молодежь Германии с интенсивностью, не имеющей параллелей со времен варварства...»* — члены Парламента полагали, что это уж слишком — даже для старины Уинстона, любившего, как всем было известно, риторические преувеличения.

Его не стали бы и слушать — если бы он не говорил также об опасности открытых и скрытых программ перевооружения Германии и не задавал премьеру весьма острых вопросов, связанных с британскими вооружениями — или, скорее, с их отсутствием. Причем Черчилль каждый раз оказывался на диво хорошо информирован, отмахнуться от него было невозможно.

В 1935 году на сессии Парламента он так прижал к стенке премьера Болдуина, что тот признал, что и в самом деле британские авиационные программы отстают от немецких.

Признание премьером своей ошибки было встречено в Парламенте бурными аплодисментами и принесло ему такое одобрение, какое не принес бы и успех.

Все только и говорили, что об откровенности и честности премьера.

Желчная острота Черчилля: *«...Болдуин время от времени наталкивается на истину; тогда он говорит — извините — и идет дальше...»* — успеха не имела, ее сочли *«...не великодушной...»*.

Болдуин, *«...добрый старый викарий, снисходительный и терпеливый, которого невозможно рассердить...»* — такой образ он усердно формировал среди коллег и публики — не остался в долгу и поделился с окружающими следующим

Стэнли Болдуин,
премьер-министр. 1935 г.

мнением о своем оппоненте: *«...Колыбель Уинстона окружало много фей, и они наделили его многими дарами — воображением, красноречием, трудолюбием, живым умом — а потом пришла еще одна фея, сказала, что один человек не должен иметь так много дарований, — и лишила его мудрости и правильного суждения.»*

Именно поэтому, с восхищением слушая его в Палате общин, мы никогда не следуем его совету...».

И правительство действительно не следовало советам Черчилля. Про него говорили, что у него, в его положении заднескамеечника, просто члена Парламента, не занимающего никакого правительственного поста, *«...есть роскошь*

быть безответственным...». По-английски, собственно, это звучит куда сильнее: «...to have a luxury to be irrelevant...», то есть быть настолько малой величиной, что не оказывать влияния на общий результат.

А ответственные люди — такие, как премьер-министр Болдуин, и как его Канцлер Казначейства Чемберлен — вели прежний курс, направленный на отказ от войны и на сближение с Германией.

Они имели для этого очень веские причины.

III

Великая Война 1914–1918 разорила Англию. Собственно, Британия оставалась великой державой, со стратегическими интересами по всему миру и с производственной базой, которая была вдвое больше французской. Но огромные, ни с чем не сравнимые потери в людях и в средствах, причиненные войной, потрясли самые основы английского общества. Отвращение ко всему, что напоминало милитаризм, было всеобщим — и столь же всеобщим было требование установления более справедливого устройства общества.

После демонстраций безработных в Лондоне и форменного мятежа на флоте в 1932 году — когда некий административный гений сократил на четверть денежное довольствие военных моряков — даже правительство консерваторов увидело необходимость в улучшении «классового баланса» в стране. В бюджете 1933 года 46.6% всех расходов правительства было направлено на социальные нужды.

Денег, однако, не было. Доля Великобритании в мировом производстве неуклонно снижалась — с 14.15% в 1913 году она опустилась ниже 10% в 1936. Единственным средством заткнуть финансовую дыру было снижение военных расходов — и их действительно обрезали «...до голых костей...», как говорили адмиралы.

Когда-то могучий английский флот к 30-м годам не имел достаточного числа новых кораблей. Согласно отчету Главного Морского Штаба, сделанному в 1932 году, «...у флота нет ни одной базы, защищенной должным образом...».

А поскольку угрозы Империи намечались сразу в трех районах — в северной Атлантике со стороны Германии, в Средиземноморье — со стороны Италии, и на Дальнем Востоке — со стороны Японии, — то военные настойчиво советовали правительству поискать дипломатические средства и либо уменьшить количество возможных противников, либо увеличить количество возможных союзников.

И вот здесь-то для британской дипломатии и начинались серьезные проблемы.

Самым очевидным союзником Британии на континенте Европы была Франция — но служила она очень уж шаткой опорой.

Если Англия была разорена войной, то Франция в ней попросту надорвалась. Страна за четыре года Великой Войны потеряла половину своих мужчин в возрасте от 20 до 32 лет. Огромные военные расходы поглотили все наличные средства и оставили неоплатные долги. Стандарт жизни упал до 70% довоенного, что вызвало острый социальный конфликт, серию разорительных забастовок и как следствие этого — бегство капиталов из страны.

Французские политики и военные смотрели на побежденную Германию с огромной тревогой — но спасение чаяли не во французских ресурсах, а в союзниках, в странах «Малой Антанты» — Румынии, Польше, Чехословакии — но в первую очередь, в Англии.

Но Великобритания — именно потому, что Франция так очевидно зависела от нее — была не слишком склонна считаться с французскими «фобиями», особенно с теми, которые втягивали англичан в дразги континентальной Европы. Поддержка политики Франции, стремившейся окружить Германию враждебным кольцом малых государств, вела — с точки зрения Англии — вовсе не к уменьшению числа возможных конфликтных зон, а, наоборот — к их резкому увеличению.

Нет, Франция была ненадежной опорой, и сближение с ней никак не способствовало выполнению настойчивой рекомендации Адмиралтейства — переброске главных сил флота в Сингапур.

Правительству Его Величества оставалось искать альтернативы.

Альтернативой союзу с Францией было широкое соглашение с Германией.

IV

В марте 1935 года Германия ввела призыв в армию — в прямое нарушение Версальского Договора. Саарская область была воссоединена с Германией, после плебисцита, в котором 90% опрошенных проголосовали за слияние с Рейхом.

Было открыто объявлено о программе развития Люфтваффе.

Нюрнбергские законы, принятые в 1935, полностью выбрасывали евреев из всех сфер жизни страны. Вводилась официальная дефиниция самого понятия — «еврей». Иметь еврейскую бабушку стало государственным преступлением.

Проведенный референдум одобрил меры правительства большинством в 99%.

Воспитание юношества в духе национал-социализма было поставлено на государственную основу. Все, что не способствовало этой цели, подлежало выпалыванию. Как говорил министр пропаганды Рейха доктор Йозеф Геббельс: *«За разрушающую душу переоценку сексуальной жизни и во имя благородства человеческого духа — предаю пламени работы некоего Зигмунда Фрейда».*

Берлин между тем готовился принять Олимпиаду.

В июне 1935 года было подписано долгожданное соглашение с Великобританией, пока что говорящее только о морских вооружениях, — но предполагалось, что это только

начало, только первый шаг в ожидаемом пакете англо-германских договоров.

Англия соглашалась на создание германского военного флота в размерах в 35% от британского. Квота на подводные лодки была больше — 45%.

Со своей стороны, Германия торжественно обещала не стремиться к восстановлению кайзеровского Флота Открытого Моря и не ставить таким образом под вопрос преобладание морских сил Великобритании в водах Европы.

Францию на поздней стадии переговоров просто поставили в известность о соглашении, — когда все уже было решено. Германии таким образом удалось вбить клин между недавними союзниками по Антанте...

И этот огромный успех германской дипломатии был ею немедленно использован.

Летом 1936 года Гитлер сделал очень рискованный шаг — в нарушение положений Версальского Договора германские войска вошли в демилитаризованную Рейнскую область.

Риск был велик не только с внешнеполитической точки зрения. Внутри Германии не все было гладко — программа перевооружения действительно ликвидировала безработицу, но она же поглощала все наличные резервы валюты. Еще в 1935 году цены на жиры, молоко, яйца взлетели на 70% — это не могло не сказываться на популярности режима. Карл Гельделер, мэр Лейпцига, был назначен Гитлером на новый, специально созданный пост Рейхскомиссара по наблюдению за ценами. Распоряжением фюрера ему были выделены средства в драгоценной конвертируемой валюте — на закупки подсолнечного масла за рубежом, для производства маргарина.

Так что новый «...триумф национальной воли...» был очень желателен, и стоил риска — с точки зрения Гитлера, не слишком большого — конфронтации с Францией.

И он оказался совершенно прав. Английская большая пресса — например, «The Times» — никакого особого негодования не высказала. Французские политики и военные в

отсутствии английской поддержки не решились ни на что, кроме жалобы на Германию в Лигу Наций.

А в 1937 году в Англии сменилось правительство — из-за конституционного кризиса, вызванного отречением короля Эдуарда VIII от престола (он решил жениться на своей пару раз разведенной американской подруге, Уоллес Симпсон), премьер Болдуин ушел в отставку и был заменен Канцлером Казначейства, Невиллем Чемберленом.

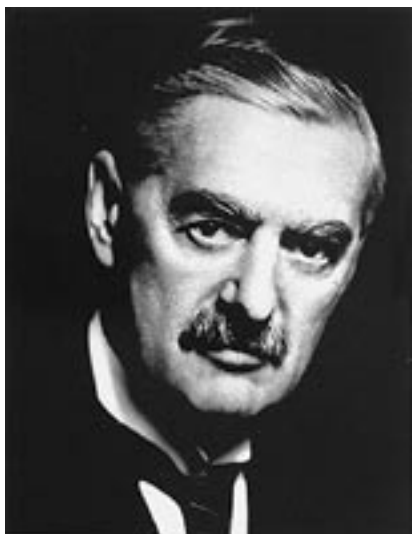
V

28 мая 1937 года Невилл Чемберлен стал премьер-министром Великобритании, а спустя несколько дней — избран лидером консерваторов.

Новый премьер имел широкую поддержку как в стране, так и в Парламенте. Будучи Канцлером Казначейства в правительстве Болдуина, он провел новый налог — «Взнос на Национальную Оборону» — и настолько подрезал прибыли индустриалистов, что вызвал их яростное сопротивление.

Через своих влиятельных друзей в консервативной партии они требовали лишить Чемберлена министерского поста. Однако он сумел настоять на своем.

Чемберлен пользовался славой трезвого, твердого, уравновешенного и рационального человека, сторонника «... достаточной обороны Великобритании...».

Невилл Чемберлен,
премьер-министр Великобритании

Лейбористы на генеральных выборах 1935 года поносили его последними словами и называли «...*поджигателем войны...*». Это обвинение было совершеннейшей неправдой.

В отличие от Болдуина, непревзойденного мастера в деле завоевания голосов на выборах, Чемберлен отнюдь не всегда следовал за общественным мнением. Свое суждение он вполне искренне ставил выше, а саму идею войны — ненавидел. Было известно его высказывание о том, что «...*победителей в войне не бывает — есть только побежденные...*».

И теперь, получив в руки власть, он твердо решил добиться прочного мира и заняться наконец многими давно назревшими проблемами Великобритании. Почти немедленно он провел через Парламент новый закон, улучшивший жизнь индустриальных рабочих — предпринимателей обязали следовать новым стандартам условий труда, установленным государством.

Было положено начало политике так называемой «рационализации» — выкупу устаревших фабрик с их немедленным сносом. Идея была в освобождении предпринимателей от теряющей свою ценность собственности — и в снабжении их стартовым капиталом для устройства новых предприятий. Надо сказать, что эта мера очень пригодилась Англии позднее, в 1939 и 1940 годах, — ее обновленная индустрия оказалась весьма производительной.

Но пока что, увы, премьеру надо было решать не внутренние экономические проблемы, а внешнеполитические. Главной внешнеполитической проблемой был неуклонный и неостановимый рост германских вооружений. А в Парламенте надо было иметь дело с критикой — пацифистской, исходящей от лейбористов, и консервативной, идущей из рядов собственной партии премьеры.

Консервативная оппозиция осыпала правительство нещадной критикой и требовала «...*принятия неотложных мер по усилению обороны Великобритании...*».

Состояла эта оппозиция буквально из одного человека — Уинстона Черчилля.

VI

Жалящее остроумие Черчилля было известно. Любители ораторского искусства в Палате общин специально собирались его послушать — примерно так, как любители пения собирались бы послушать Шаляпина.

Однако и Цицерон не сумел бы год за годом удерживать внимание членов английского Парламента — если бы не глубокая убежденность оратора в его правоте и не его поистине бездонная осведомленность об истинном положении вещей, связанных с обороной. Откуда эта осведомленность бралась?

Информация шла из самых верных источников.

Десмонд Мортон, глава разведывательного центра, входившего в Комитет по имперской Обороне и ответственного за сбор и обработку сведений о производстве вооружений в иностранных государствах, информировал Черчилля обо всем, что знал сам, — а знал он много.

Дипломатическая информация из Германии поступала от посла Великобритании в Берлине, сэра Хораса Рэмболда. Сэр Хорас был очень встревожен, считал новый немецкий режим *«...бандитским и очень опасным...»* — но его начальство не слушало донесений посла. Он стал делиться своими мыслями с Черчиллем, вполне неофициально — зять Черчилля, Дункан Сэндис, был личным помощником посла...

Истинным кладезем важнейших сведений оказался лорд Роберт Ванситарт — карьерный дипломат, служивший в качестве *«permanent under-secretary of the Foreign Office»* — то есть постоянный, не зависевший от того, какая именно партия контролировала правительство, заместитель министра иностранных дел Великобритании. Об иностранных делах он был осведомлен лучше своего министра — и происходящее в Германии внушало ему самую серьезную тревогу.

Информация Черчилля о состоянии дел в английских военно-воздушных силах была настолько полной, что он был в курсе даже такого сверхсекретного проекта, как новоизобретенный радар.

Вообще, все информаторы Черчилля — офицеры, дипломаты, государственные служащие — сознательно нарушали служебные инструкции и правила, охраняющие государственную тайну, и сильно рисковали.

Нет, не жизнью — Англия не была тоталитарным государством вроде Германии или СССР, — но пенсией и добрым именем они рисковали безусловно.

Великое преимущество демократии — законность существования оппозиции — давала им возможность действовать так, как подсказывала им совесть и профессиональное суждение.

А поскольку в Парламенте был человек, который думал так же, как они — Черчилль, — то, следовательно, его надо было снабжать аргументами и доводами, которые не желало слушать правительство.

И Чартуэлл из обычного деревенского дома понемногу стал превращаться в настоящий запасной правительственный центр...

VII

Черчилль однажды сказал: *«...Я никогда не критикую правительство своей страны, находясь за границей, но с лихвой возмещаю это по возвращении...»*.

В 1935–1937 он находился в основном в Англии, и кабинета министров — сперва Болдуина, а потом и Чемберлена — доставалось от него в полной мере.

Он не ограничивался просто использованием доставляемой ему информации. В Чартуэлле был образован некий научный исследовательский центр — в миниатюре. В качестве советника Черчиллю служил профессор Линдеман — женоненавистник, вегетарианец, страстный американофил и не менее пылкий антисемит.

Как он при этом ладил с другим постоянным посетителем Чартуэлла, Бернардом Барухом, который был одновре-

менно и американцем (очень влиятельным), и евреем — это остается неясным.

Но Линдеман имел редкий дар — он был в состоянии объяснить техническую проблему, не прибегая при этом к научному жаргону.

Черчилль это очень ценил.

Помимо технических, в Чартуэлле шли непрерывные политические дебаты. Постоянным оппонентом хозяину дома служил его в известной мере наниматель, лорд Бивербрук — Черчилль был автором постоянной колонки в газетах лорда.

При дружеских — в общем — отношениях, они резко расходились во взглядах. Лорд Бивербрук был ярким сторонником политики «умиротворения».

Парадокс английской системы — родившийся в бедности Макс Айткин, а ныне баронет, лорд Бивербрук, обязанный состоянием и титулом только самому себе, представлял в Чартуэлле как бы Палату лордов — и именно как лорд особых политических полномочий не имел.

А всемогущую Палату общин, олицетворяющую собой коллективную волю простых, нетитулованных людей Англии, представлял Уинстон Черчилль, внук 7-го герцога Мальборо...

Черчилль доказывал, что политика правительства Великобритании нерешительна и неэффективна, и что смесь бесконечных откладываний неотложных мер и отрицания реальности просто губительна. Он говорил, что — *«...правительство решило быть нерешительным, оно твердо в стремлении быть нетвердым, и могущественно в сохранении своей упорной беспомощности...»*.

Заявление это относилось к кабинету, возглавляемому Болдуином.

Однако новый премьер, Чемберлен, был сделан не из того теста, из которого был испечен незлобивый *«...добрый старый викарий...»*.

Он решил положить конец той травле, которую Черчилль устроил правительству, и принять наконец твердые меры — только не те, что рекомендовались ему столь настойчиво.

Премьер-министр решил начать с наведения порядка в собственном доме.

VIII

Прежде всего следовало позаботиться о министерстве иностранных дел. Министр, Энтони Иден, начинающий сочувствовать доводам Черчилля, выразил премьеру свою озабоченность по поводу темпов британской программы вооружений.

Чемберлен вспыхнул и предложил Идену *«..уйти домой и принять аспирин...»*. Этот разговор случился у них в ноябре 1937, а в феврале 1938 — после того, как Иден начал выражать недовольство действиями Муссолини, — Чемберлен вообще убрал его из правительства, заменив сторонником соглашения с Германией, лордом Галифаксом.

Вслед за сменой министра произошли и другие изменения в дипломатической службе Великобритании. Сэр Хорас Рамболд, посол Англии в Берлине, которому не нравился Гитлер, был заменен на сэра Невилла Гендерсона, которому Гитлер нравился.

Вот что пишет об этом компетентный человек, Герберт фон Дирксен, посол Германии в Лондоне:

«...В своем отношении к наиболее важным вопросам британской внешней политики, как и в отношении к недавно возникшим авторитарным государствам, Чемберлен руководствовался твердыми и честными идеалами. Он при-

Э. Иден, министр иностранных дел Великобритании

ступил к делу, будучи твердо убежден, что люди поверят ему и пойдут за ним и что им удастся достигнуть *modus vivendi*.

Таково было его убеждение, и Чемберлен предпринял все необходимые шаги для его осуществления. Он заменил тех, кто придерживался других взглядов, отличных от его собственных, людьми по своему выбору.

Энтони Иден ушел из Форин Офиса. Лорд Роберт Вансипарт, чьи политические симпатии были слишком недвусмысленными, был изгнан из системы исполнительной власти и ограничен статусом дипломатического советника. Управление Форин Офисом взял на себя лорд Галифакс. Сэр Невилл Гендерсон был назначен послом в Берлин.

Но еще до всех этих перемен Чемберлен уже искал контакта с Гитлером, и контакт этот был установлен лордом Галифаксом на охоте в Берлине в ноябре 1937 года...».

Лорд Галифакс и впрямь посетил Германию, и отчет о его встрече с фюрером 19 ноября 1937 года в Оберзальцберге был запротоколирован.

Вот выписки — в том виде, в котором они были представлены фон Нейратом, тогдашним министром иностранных дел Германии, президенту Рейсбанка, Ялмару Шахту.

«...Лорд Галифакс согласился с фюрером — далеко идущее сближение может быть достигнуто только тогда, когда все стороны станут исходить из одинаковых предпосылок и будет достигнуто единство взглядов.

Он подчеркнул, что в Англии все смотрят на Германию, как на великую и суверенную страну, и что переговоры с ней должны вестись только на этой основе.

Все остальные вопросы можно характеризовать в том смысле, что они касаются изменений европейского порядка, которые, вероятно, рано или поздно произойдут.

К этим вопросам относятся Данициг, Австрия и Чехословакия.

Англия заинтересована лишь в том, чтобы эти изменения были произведены путем мирной эволюции и чтобы

можно было избежать методов, которые могут причинить дальнейшие потрясения, которых не желали бы ни фюрер, ни другие страны...».

В Англии сложилось впечатление, что соглашение почти достигнуто — все возникающие вопросы будут решаться мирно и путем договоренностей.

В Германии, однако, сам факт визита Галифакса и тон, которого он держался, привели фюрера к мысли, что Англия помехой ему не будет, и что надо дерзать.

И в марте 1938 года грянул гром — в Австрии был произведен нацистский переворот, правительство свергнуто, и стремительно произведенный «аншлюс» поставил британскую дипломатию перед свершившимся фактом, протестовать против которого было поздно...

IX

Операция по захвату Австрии была проведена так быстро и в таком секрете, что о ней не знал даже новоназначенный министр иностранных дел Германии, фон Риббентроп, как раз в тот момент отбывавший из Лондона домой, в Берлин, — и потому на вопрос Чемберлена относительно планов оккупации Австрии он ответил, что никаких планов нет. *Post factum* это выглядело как намеренное оскорбление.

Впечатление в Англии было сильным. Престижу премьера был нанесен основательный удар. Черчилль — который, предсказуемо, произнес в Палате громовую речь — вдруг оказался не одинок. К нему примкнула группа «заднескамеечников», возглавляемая Иденом. Она была невелика, но некоторые ее члены политикой занимались между делом, а главные их интересы — и, соответственно, влияние — были в промышленности и банковском секторе...

Германия между тем начала новую бурную пропагандистскую и дипломатическую кампанию — на этот раз направленную против Чехословакии. Если 7 миллионов авст-

рийцев слились с Рейхом — почему 3 с лишним миллиона судетских немцев не могут «...осуществить свои национальные чаяния...»?

Гитлер начал настаивать на «...решении чехословацкого вопроса...» уже летом 1938 — едва ли не сразу после «аншлюса» с Австрией. Это оказалось слишком даже для прогермански настроенного Галифакса. Он требовал «...тесной координации английской политики с Францией...», и настаивал на том, что «...Чехословакия должна получить британские гарантии...».

Чемберлен, однако, стоял на своем. Война — это безумие. Что бы ни случилось — ее надо избежать. Конечно, как разумный человек, он принимал меры предосторожности.

В оборонную промышленность, несмотря на протесты Казначейства, были переведены дополнительные фонды. Военные расходы Великобритании возросли резко, рывком — на сорок процентов по сравнению с 1937 годом.

Начали разрабатывать планы эвакуации населения из больших городов — предполагалось, что в случае войны они подвергнутся удару Люфтваффе. Черчилль в Чартуэлле пришел к тем же выводам, что и правительственная комиссия, и даже оценил — с помощью профессора Линдемана — размеры возможных потерь. Линдеман полагал, что бомбежка Лондона будет стоить 60 тысяч жизней.

К осени 1938 года война выглядела не просто возможной, а очень даже вероятной.

27 сентября 1938 года Чемберлен произнес речь, обратившись к нации по Би-Би-Си. В частности, он сказал следующее:

«...как ужасно, фантастично, невероятно то, что мы должны рыть траншеи и примерять газовые маски из-за ссоры, происходящей в далекой стране между людьми, о которых мы ничего не знаем...»

28-го сентября, давая свою оценку ситуации в Палате общин, Чемберлен, получив записку от помощника, прервал свою речь, и сообщил Палате, что «...получил приглашение от герра Гитлера посетить его в Мюнхене...». Он ска-

зал, что приглашение это он принимает. Кто-то из депутатов воскликнул: «Вознесем благодарение Богу за нашего премьера!».

Депутаты всех партий — за очень немногими исключениями — вскочили на ноги и устроили Чемберлену овацию.

Уинстон Черчилль, бывший министр внутренних дел, бывший Первый лорд Адмиралтейства, бывший министр военного снабжения, бывший военный министр, бывший министр по делам колоний, бывший Канцлер Казначейства, а ныне — «...*достопочтенный джентльмен...*» — так полагалось обращаться к депутатам Парламента — представлявший избирательный округ Эппинг от Консервативной Партии — не встал со своего места.

Он остался сидеть и премьеру не аплодировал...

Х

На встрече в Мюнхене присутствовали главы правительств четырех европейских держав — Чемберлен, Гитлер, Муссолини и Даладье, — но Италия была просто младшим партнером Германии, а Франция уже давно играла роль второй скрипки при Англии. Так что бремя решений пало целиком на Чемберлена, и, надо сказать, он встретил в Германии полное понимание. Поскольку почти все условия Германии были приняты, стороны пришли к соглашению очень быстро.

Договорились, что «...1 октября чехи будут информированы, что они должны склониться перед неизбежным и начать эвакуацию Судет...» — в то время как германские войска смогут начать свое движение на новую территорию Рейха.

Чемберлен сказал фюреру, что «...если чехи будут настолько безумны, что окажут сопротивление — он поймет необходимость применения силы...» — но будут ли германские ВВС бомбить Прагу?

«Конечно же, нет» — сказал Гитлер — «я всегда стараюсь сделать все для того, чтобы гражданские лица не пострадали». И добавил, что ему «...ненавистна сама мысль о том, что невинные дети могут оказаться убитыми газовыми бомбами...».

Слева направо: Чемберлен, Даладье, Гитлер и Муссолини в Мюнхене 28 сентября 1938 г.

После этого заверения Чемберлен вынул бумагу со следующим текстом:

«Мы, фюрер и канцлер Германии и английский премьер-министр, продолжили сегодня нашу беседу и единодушно пришли к убеждению, что вопрос англо-германских отношений имеет первостепенное значение для обеих стран и для Европы.

Мы рассматриваем подписанное вчера вечером соглашение и англогерманское морское соглашение как символ желания наших обоих народов никогда не вести войну друг против друга.

Мы полны решимости рассматривать и другие вопросы, касающиеся наших обеих стран, при помощи консультаций и стремиться в дальнейшем устранять какие бы то ни было поводы к разногласиям, чтобы таким образом содействовать обеспечению мира в Европе».

Гитлер прочел эту записку и подписал ее немедленно и без возражений.

Чемберлен вернулся домой спасителем европейского мира. В аэропорту Хестон его встречала огромная ликующая толпа, которой он и показал бумагу, подписанную Гитлером. Стоя перед публикой на балконе Букингемского Дворца, рядом с королем и королевой, он был встречен кри-

ками горячего одобрения и традиционной песней, которой в Англии встречали героев: *«For he's a jolly good fellow»* — *«Потому он такой замечательный парень»*.

Огромному количеству людей, явившихся поздравить премьера в его резиденции на Даунинг-стрит, номер 10, он повторил слова, которые за 60 лет до него, в 1878 году, произнес после Берлинского Конгресса другой премьер-министр Англии, Бенджамин Дизраэли: *«Я вернулся из Германии и принес с собой почетный мир. Я думаю, это мир для нашего времени»*.

Пресса ликовала. «The Times» напечатала статью своего главного редактора, Джеффри Доусона, где говорилось, что *«...ни один победитель не возвращался в столицу с лаврами, более заслуживающими похвалы, чем премьер-министр, принесший нам мир...»*.

В начале октября 1938 года в Парламенте начались прения — обсуждалось заключенное с Германией соглашение. Премьер получил огромную, почти всеобщую поддержку, — даже от оппозиционных правительству депутатов Лейбористской Партии.

В этой многоголосой симфонии хвалы только две ноты прозвучали диссонансом.

Во-первых, 3-го октября подал в отставку Первый лорд Адмиралтейства, Альфред Дафф Купер. Важный и весьма уважаемый министр в правительстве Чемберлена, 28-го сентября он объявил мобилизацию флота — именно в тот момент, когда Чемберлен вел переговоры в Мюнхене.

Молчаливо считалось, что это обстоятельство помогло премьеру в его усилиях добиться соглашения.

А, во-вторых, 5-го октября Уинстон Черчилль в Палате общин сказал, в частности, следующее:

«...Я нахожу невыносимым сознание, что наша страна входит в орбиту нацистской Германии, подпадает под ее власть и влияние, и что наше существование начинает зависеть от ее доброй воли или прихоти.

Именно чтобы помешать этому, я всеми силами настаивал на укреплении всех твердынь обороны: во-первых,

на своевременном создании военно-воздушных сил, которые превосходили бы любые другие, способные достигнуть наших берегов; во-вторых, на сплочении коллективной мощи многих стран и, в-третьих, на заключении союзов и военных конвенций, конечно, в рамках Устава, для того, чтобы собрать силы и хотя бы задержать поступательное движение этой державы.

Все это оказалось тщетным.

Однако народ должен знать правду. Он должен знать, что нашей обороной недопустимо пренебрегали и что она полна недостатков. Он должен знать, что мы без войны потерпели поражение, последствия которого мы будем испытывать очень долго. Он должен знать, что мы пережили ужасный этап нашей истории, когда было нарушено все равновесие Европы и когда на время западным демократиям вынесен ужасный приговор: «Тебя взвесили и нашли легковесным» [цитата из Священного Писания].

И не думайте, что это конец. Это только начало расплаты. Это только первый глоток, первое предвкушение чаши горечи, которую мы будем пить год за годом, если только мы не встанем, как встарь, на защиту свободы, вновь обретенная могучим усилием нравственное здоровье и воинственную энергию...».

Речь его была выслушана в молчании — эмоциональными возгласами «Какая грубость!» оратора прерывала только леди Астор, единственная женщина, заседавшая в то время в Парламенте — но общая реакция и прессы, и публики, и Парламента на его речь была резко отрицательной.

Лорд Моэм, лорд-Канцлер и глава Канцлерского Суда Великобритании, говорил, что «...Черчилля как злого агитатора следовало бы арестовать и повесить...». Неплохое мнение в устах столь выдающегося юриста...

Лорды попроще высказывались радикальнее — один из них предложил «...спустить на Уинстона свору гончих...».

«...Свора гончих...» была не столь архаичной фигурой речи, как могло бы показаться — псовая охота в Англии в конце 30-х годов двадцатого века была еще жива...

Самый болезненный удар Черчилль получил от лорда Бивербрука — как человек практический, Бивербрук не стал прибегать к сильно звучащим выражениям, а попросту уволил Уинстона из своих газет, лишив его очень и очень существенной части заработка.

Примерно в середине сентября 1938 года, еще до Мюнхена, в письме к лорду Мойну Черчилль написал следующее — приведем эту фразу в оригинале: «...*We seem to be very near the bleak choice between War and Shame. My feeling is that we shall choose Shame, and then have War thrown in a little later on even more adverse terms than at present...*»

«...По-видимому, в самом скором будущем нам предстоит незавидный выбор между Войной и Позором. И мне кажется, что мы выберем Позор, но немного погодя не уйдем и от Войны, и в условиях даже хуже теперешних...».

Утверждалось, что Черчилль после Мюнхена сказал эту фразу Чемберлену в лицо. Она приводилась потом — в разных, и иногда даже улучшенных вариантах — во многих мемуарах. Но, похоже, это просто легенда...

После дебатов Палата общин приняла следующую резолюцию:

«Палата одобряет политику Правительства Его Величества, предотвратившую войну в недавнем кризисе, и поддерживает усилия, ведущие к установлению длительного мира».

XI

Журнал «Time» провозгласил Адольфа Гитлера «Человеком 1938 года», который «...мирным путем и без кровопролития перекроил карту Европы...».

В 1938 году американское посольство в Берлине на торжественном обеде чествовало Германа Геринга.

Помимо дипломатов, приглашены были выдающиеся деятели, создавшие германскую авиационную программу —

Хейнкель и Мессершмитт. Американскую авиацию представлял Чарльз Линдберг, прославившийся первым в истории полетом через Атлантику.

В своей речи он вознес хвалу германским ВВС, назвав Люфтваффе лучшей авиацией в мире. Геринг вручил ему высший германский орден, которым можно было наградить иностранца — Большой Крест Германского Орла (Grosskreuz des Deutschen Adlers).

Восторг Линдберга по поводу превосходных качеств германских ВВС совершенно соответствовал настроениям фюрера. Он считал — и стремился продемонстрировать — что сила на его стороне.

В марте 1939 года грянул гром. Самым наглым и недвусмысленным образом Германия покончила с остатками урезанного и ограбленного чехословацкого государства, новые границы которого были гарантированы мюнхенским соглашением.

Словакия — как бы самопроизвольно — откололась.

Чехия же была разделена на две провинции — Богемию и Моравию — оккупирована немцами и включена в Рейх как протекторат.

Чемберлен выступил в Парламенте с речью, в которой объяснил, что *«...после выхода Словакии из союза с Чехией, государства, называемого Чехословакией, больше нет, поэтому британские гарантии его независимости и неприкосновенности тоже больше не существуют...»*.

Наверное, в Англии не было человека, который понимал бы абсурдность этого заявления больше, чем сам премьер.

Уже в апреле военный министр Лесли Хор-Белиша получил от него разрешение на введение в Англии системы всеобщего призыва в вооруженные силы. Мера эта была непопулярна, и военного министра обвиняли в желании поссорить Англию и Германию, *«...исходя из его личных симпатий...»* — Хор-Белиша был сефардским евреем, что сторонники соглашения с Гитлером немедленно поставили ему в вину.

Вообще, все члены Нордической Лиги Британии — в числе которых был, например, 5-й герцог Веллингтон — считали, что «...евреи — рак, разъедающий Европу...». Другой видный член Лиги, генерал Фуллер, создатель теории молниеносной танковой войны, съездил в апреле 1939 года в Германию.

Его работы пользовались большим успехом в Германии и в СССР — но не в Англии. Гитлер лично пригласил британского генерала на свой день рождения и показывал ему на маневрах действия немецких танковых частей.

Он любезно спросил генерала — «Как ему нравятся его дети?», имея в виду немецкие танки. Фуллер ответил, что «...дети его так выросли, что он их уже не узнает...», и выразил свое восхищение германской военной машиной.

Правительство Великобритании этих чувств не разделяло.

Как написал впоследствии Черчилль в своих мемуарах: «...Чемберлен не любил, когда его обманывали...».

XII

«...Такова уж судьба государственного деятеля, чьи цели опорочены и приговорены к забвению и замалчиванию — подвергаться критике со стороны мирового общественного мнения, которое задним числом безжалостно присваивает себе право бросить камень в человека, имевшего мужество проявить инициативу, особенно если его инициатива оказалась неудачной и бесплодной. Однако понимая, что подобное осуждение может быть высказано, современникам Чемберлена следует, тем не менее, ныне уверенно признать, что он был, бесспорно, выдающимся политиком мирового уровня и что помыслы его были чисты и благородны...», — так писал о Чемберлене в своих мемуарах Герберт фон Дирксен, бывший посол Германии в Лондоне. Мемуары эти, однако, вышли из печати в 1949 году.

Но вот цитата [январь 1939] из дневника Чиано, зятя Муссолини, а заодно — и его министра иностранных дел:

«Эти люди, — сказал Муссолини [о Чемберлене], — сделаны из другого материала, чем Фрэнсис Дрейк и другие великоколпные искатели приключений, создавшие империю. В конечном счете это — утомленные потомки многих поколений богачей...»

А Гитлер — в своем кругу и не для печати — говорил, что *«...если к нему еще раз заявится этот старичок с зонтиком, он спустит его с лестницы...»*

Престижу Великобритании «чехословацким кризисом» 1938 года был нанесен серьезнейший урон — и Чемберлен стремился поправить ситуацию, и как можно скорее.

Если в середине марта 1939 немецкие танки вошли в беззащитную Прагу, то уже через две недели, в конце марта, Великобритания и Франция дали гарантии Польше, обещали их Румынии, Греции и Турции — и объявили, что в случае необходимости они будут готовы воевать с Германией, но не допустят ее дальнейшей экспансии.

Шаг этот был сделан второпях и совершенно необдуманно.

Вот цитата из мемуаров Черчилля:

«...Англия, ведя за собой Францию, предлагает гарантировать целостность Польши — той самой Польши, которая всего полгода назад с жадностью гиены приняла участие в ограблении и уничтожении чехословацкого государства.

Имело смысл вступить в бой за Чехословакию в 1938 году, когда Германия едва могла выставить полдюжины обученных дивизий на Западном фронте, когда французы, располагая 60–70 дивизиями, несомненно, могли бы прорваться за Рейн или в Рур.

Однако все это было сочтено неразумным, неосторожным, недостойным современных взглядов и нравственности. И тем не менее теперь две западные демократии наконец заявили о готовности поставить свою жизнь на карту из-за территориальной целостности Польши.

СЕРИЯ «ПОРТРЕТЫ НА ФОНЕ ЭПОХИ»

Борис Тененбаум родился в 1948 в Москве. Закончил Московский авиационный институт. С 1981 года проживает в Бостоне, США.

Его очерки и эссе публиковались в online-журналах («Заметки по еврейской истории», «Еврейская Старина», «Waronline.org» и др.).

...Я согласен, что личная позиция Черчилля и Рузвельта по отношению к помощи России, сыграла важнейшую роль в общей победе. Считаю также, что в российской историографии роль лендлиза до сих пор недооценена. Но говорить о возможности победы Гитлера на Востоке — это явный перебор. Прежде всего из-за размеров оккупированных территорий и откровенного нежелания оккупантов учитывать психологию и потребности населения. Кроме того метод принятия решений Гитлером, увязавшим в своей теории расового превосходства и собственной исключительности, явно уступал методам Сталина, наконец поверившего в коллективный разум своих недорасстрелянных генералов...

Ю. Грум

...Спасибо, получил огромное удовольствие. Иллюстрированная история незнакомой для многих войны в Северной Африке в Вашем изложении прекрасное и поучительное чтение. В знаменитой переписке трех вождей — Рузвельта, Черчилля и Сталина, да и в мемуарах Черчилля об этом много говорится, но разрозненно и не таким языком и очень субъективно. Обязательно порекомендую Вас прочесть. Будет полезно.

Услехов,

В. Зубков

ISBN 978-1-934881-26-2

9 781934 881262

9 0000 >

